

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Валькова К.В., Саблина Е.С. Императорские путешествия в Сибирь XIX в.: от инспекции к символу // Genesis: исторические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.9.75948 EDN: SQCWLC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75948

Императорские путешествия в Сибирь XIX в.: от инспекции к символу

Валькова Ксения Викторовна

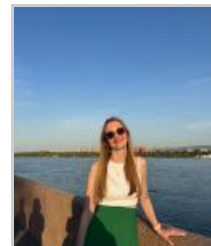
ORCID: 0000-0003-0301-294X

кандидат исторических наук

доцент, институт истории и международных отношений; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, пр-кт Ленина, д. 61

✉ valkovakv@vk.com

Саблина Екатерина Сергеевна

ORCID: 0009-0002-1316-8825

студент, институт истории и международных отношений; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, пр-кт Ленина, д. 61

✉ esablina04@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.9.75948

EDN:

SQCWLC

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2025

Аннотация: Предметом исследования являются визиты членов династии Романовых в Сибирь в XIX в. Цель исследования – показать, какое значение имели эти поездки для восприятия Сибири в составе России и для формирования образа власти. Анализируются как сами события визитов, так и их влияние на общественное мнение, отношения центра и окраины, представления о месте региона в имперском пространстве. Важное внимание уделено реакции местного населения, особенностям организации встреч и отражению

событий в прессе. Работа позволяет понять, каким образом редкие поездки представителей императорской семьи становились заметными политическими и культурными событиями для Сибири. Основу работы составили материалы губернской прессы, документы административных органов и воспоминания современников. Методологическую основу составили историко-антропологический и ритуалистический подходы, позволяющие рассматривать поездки как культурную практику и политический ритуал. Принципы историзма и системного анализа связывают визиты с развитием империи. Сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы позволяют выявить их политические, образовательные и символические функции. Исследование впервые выделяет императорские поездки в Сибирь XIX в. в отдельную категорию династических визитов и рассматривает их как целостное явление в истории имперской политики. Показано, что они развивались по законам имперских сценариев, сохраняя при этом уникальные черты. В начале века поездки носили образовательный и инспекционный характер и завершали подготовку наследников к управлению. В середине века они приобрели представительский характер и служили укреплению авторитета династии. К концу столетия главной стала символическая и внешнеполитическая функция, связанная с демонстрацией силы России на востоке. Новизна работы заключается в акценте на сочетании общеимперских тенденций и региональной специфики Сибири: редкость визитов усиливала их значение, а реакция населения отличалась особой эмоциональной вовлеченностью. Выявлено усложнение церемониала, возрастание роли казачества и национальных элит, что придавало визитам политический смысл. Важным результатом стало формирование устойчивой памяти о событиях: создавались памятники, проводились ежегодные праздники, переименовывались улицы, сохранялись реликвии. Эти практики укрепляли монархическую лояльность, превращали визиты в символические акты связи центра и окраины, закрепляли особое место Сибири в имперском пространстве.

Ключевые слова:

Сибирь, Романовы, власть и общество, церемониал, императорские путешествия, династический миф, символическая политика, ритуал, мемориализация, историческая память

Путешествия членов дома Романовых по Российской империи в последнее время становятся предметом пристального научного внимания. Если ранее они рассматривались преимущественно как форма административного управления страной, то сегодня исследователи трактуют «высочайшие» поездки «как средство идентификации самодержавия и как элемент патримониальной монархии» [\[12, С. 95\]](#). Считается, что становление данного направления в отечественной историографии связано с переводом на русский язык работы американского исследователя Р. Уортмана, посвященной формированию и репрезентации императорских мифов, которые, по его мнению, являлись важным инструментом государственной политики по поддержанию престижа самодержавной власти.

Результатом активной исследовательской работы в этом русле стало появление за последние годы ряда исследований, посвященных поездкам членов императорской семьи [\[12, 13\]](#), а также издание сборников статей по данной проблематике [\[16\]](#). Чаще всего в центре внимания историков оказывается одно путешествие или его локальные эпизоды. Такой подход позволяет сформировать детализированное представление о

«высочайших» визитах в различных аспектах, но не дает возможности охарактеризовать их в комплексе как целостное историческое явление. Попытку достижения этой цели предпринимает О.А. Плех, исследующая путешествия представителей императорской фамилии на протяжении всего XIX в. Автор прослеживает эволюцию таких поездок как инструмента коммуникации между властью и обществом и показывает, что их характер постепенно изменялся: от преобладания инспекционных элементов – к доминированию символических, основанных на ритуалах и визуально-медийных практиках легитимации [\[12, с. 101\]](#).

При этом отдельные группы визитов демонстрируют устойчивую специфику. Обоснованным представляется рассматривать посещения Сибири представителями дома Романовых как особую подкатегорию императорских поездок. Образ этого региона в массовом сознании отличался от представлений об иных провинциальных территориях: долгое время в народной памяти Сибирь отделялась от «России», что во многом объяснялось отсутствием царственных визитов вплоть до 1837 г. Это препятствовало прочному соотнесению региона с имперским центром в монархическом воображаемом. В то время как многие области Европейской России один и тот же император посещал неоднократно, в Сибири за XIX в. состоялось лишь четыре визита: наследника Александра Николаевича в 1837 г., великого князя Владимира Александровича в 1868 г., великого князя Алексея Александровича в 1873 г. и великого князя Николая Александровича в 1891 г. Уже сам этот факт указывает на специфику сибирских визитов.

Несмотря на отдаленность региона, Сибирь играла важную роль в поддержании коммуникации между властью и обществом, что учитывалось при планировании подобных поездок. Для местного населения такие события становились исключительными: приезды членов императорской семьи воспринимались здесь иначе, чем в центральных губерниях.

Современные сибирские исследователи неоднократно обращались к изучению путешествий представителей императорского дома в регион, рассматривая их в различных аспектах. Наибольшее внимание уделялось событиям второй половины XIX в.; выявлены проблемные поля и введен в научный оборот широкий корпус источников – периодика, административная документация, мемуары, визуальные материалы; реконструированы события императорских визитов, сделаны важные выводы об их характере [\[7, 17-18, 25, 30\]](#). Настоящее исследование ставит целью реконструировать эволюцию характера «высочайших» путешествий в Сибирь в XIX в. – от целей и форм организации, определяемых императорской властью, до трансформации церемониала приема на местах, со стороны местной администрации и населения, – а также соотнести выявленные тенденции с общеимперскими.

Методологическую основу исследования составляют концепция «сценариев власти» Р. Уортмана, трактующая императорские путешествия как инструмент символической легитимации и средство коммуникации между монархом и обществом, а также историко-антропологический подход, позволяющий выявить специфику восприятия этих событий на уровне повседневной культуры и коллективных представлений. При этом важно различать мемориализацию как совокупность целенаправленных практик сохранения памяти (установление памятников, переименование улиц, организация ежегодных праздников) и историческую память как более широкий комплекс общественных представлений о прошлом.

В исследовании применяются принципы историзма и системного анализа, сравнительно-исторический метод (сопоставление сибирских и общеимперских практик), структурно-

функциональный подход (выявление административных, образовательных и символических функций визитов), а также нарративный и ритуал-анализ, позволяющие рассматривать «высочайшие» путешествия как тексты династического дискурса и проследить их трансформацию в имперском и региональном измерениях.

Источниковая база исследования включает материалы периодической печати (в частности, Тобольские губернские ведомости), отражающие процесс информирования населения и официальную репрезентацию событий, а также источники личного происхождения (А.Е. Розена, П.П. Ершова, Н.А. Кострова, Э.Э. Ухтомского), позволяющие реконструировать восприятие визитов в повседневном и культурном сознании жителей Сибири. Дополняют их делопроизводственные материалы, фиксирующие организационные меры и практики увековечивания «высочайших» визитов. Комплексное использование методов и источников позволяет решить поставленные задачи исследования.

Прежде всего необходимо обратиться к целям рассматриваемых путешествий. Наследник Александр Николаевич посетил города Сибири в рамках обширной поездки, завершавшей его образовательный процесс. Она являлась частью «плана учения», разработанного В.А. Жуковским, и имела своей главной задачей знакомство цесаревича с государством и его населением, которым ему предстояло управлять. По замыслу Николая I, наследник должен был не только «узнать Россию», но и расположить к себе подданных, тем самым укрепляя «нравственный авторитет государственной власти» [\[13, С. 244-245\]](#). Император подготовил подробные наставления, регламентировавшие поведение Александра при встречах с представителями сословий и во время посещений населенных пунктов. По мнению Р. Уортмана, таким образом происходило распространение династического сценария на территории империи [\[26, С. 473-475\]](#).

Путешествие оказалось более масштабным, чем все прежние поездки, совершенные императорами или членами их семей: впервые маршрут включал территории Сибири. По наблюдениям филологов, это придало событию характер «инициации», своеобразного мифологического приобщения наследника к будущему царству, поскольку в российском культурном сознании Сибирь нередко воспринималась как «мифологическая страна мертвых» [\[1, С. 13\]](#).

Таким образом, цель поездки носила просветительский характер: она завершала образование цесаревича и готовила его к управлению империей через знакомство с жизнью подданных. Вместе с тем путешествие выполняло и представительскую функцию: будущий император не только узнавал страну, но и демонстрировал свое присутствие, «репрезентируя реальность собственного существования» [\[10, С. 42\]](#).

Следующие «высочайшие» путешествия в Сибирь были предприняты сыновьями Александра II – Владимиром и Алексеем Александровичами. Их поездки по империи были запланированы наставником великих князей В.П. Титовым, занимавшим этот пост в 1856-1858 гг. Образовательные проекты Титова во многом опирались на идеи В.А. Жуковского [\[9, С. 11-12\]](#). Разработанный им план обучения наследника Николая Александровича предполагал заключительный этап в виде путешествий «по России и чужим краям». Задумывалось, что такая поездка позволит закрепить усвоенные во время обучения представления о приоритете решения внутренних социально-экономических задач над решением задач внешнеполитических, а также даст возможность лично познакомиться с народной жизнью.

Александр II, уже будучи императором, скептически относился к подобным проектам, считая, что наследнику не удастся увидеть «настоящую Россию», и поездка сохранит лишь церемониальный характер, утратив воспитательную ценность. Тем не менее идеи Титова вошли в придворную практику и распространились на других детей императора. По мнению ряда исследователей, он разрабатывал планы воспитания и образования для всех великих князей, а не только для наследника [\[9, С. 38-39\]](#).

Можно предположить, что путешествия Николая Александровича, умершего еще в статусе наследника, а также визиты других детей Александра II – Владимира и Алексея Александровичей, совершенные в 1860-1870-е гг., в большей степени носили характер «представительских вояжей» по типологии, предложенной Е.Г. Милюгиной и М.В. Строгановым [\[30\]](#). Их образовательная ценность в глазах современников оценивалась сравнительно невысоко, тогда как важность заключалась прежде всего в легитимации власти дома Романовых. Особое место занимает путешествие 1890-1891 гг., совершенное наследником Николаем Александровичем, сыном Александра III. Оно не рассматривалось как часть его образования: к концу XIX в. традиция поездок наследника по империи утратила актуальность. По мнению Р. Уортмана, это объяснялось, во-первых, напряженной общественно-политической ситуацией, требовавшей повышенных мер безопасности, а во-вторых – исчерпанностью модели династических путешествий как формы легитимации, поскольку «духовная связь монарха и народа проходила через церковь и историю» [\[27, С. 438\]](#).

Тем не менее, будучи наследником, будущий Николай II посетил Сибирь, возвращаясь из восточных стран. Эта поездка задумывалась Александром III как демонстрация мощи Российской империи и ее присутствия в Азии [\[27, С. 439\]](#). Необходимость подобных акций объяснялась международной обстановкой: новым переделом сфер влияния и усилением позиций Великобритании в регионе, неблагоприятным для России. В этом контексте Сибирь должна была служить доказательством «успеха русской колонизации Востока» [\[27, С. 445-446\]](#).

Следовательно, все мероприятия, организованные во время проезда наследника через Сибирь, были соотнесены с целями путешествия. При этом нельзя ограничивать их лишь внешнеполитическим значением. С точки зрения отношений центра и окраин поездка во многом напоминала путешествие Александра Николаевича 1837 г.: впервые были посещены дальневосточные территории, что, по мнению Э.Э. Ухтомского, укрепляло «нравственную связь» региона с имперским центром [\[28, С. 102\]](#).

Таким образом, можно заключить, что цели «высочайших» путешествий в Сибирь на протяжении XIX в. претерпели эволюцию. В первой половине XIX в. ведущим мотивом поездки наследника был образовательный: путешествие должно было завершить его воспитание и подготовить к управлению. Со временем он постепенно вытеснялся церемониальным компонентом, направленным на демонстрацию национального сценария и мифологических конструктов, продвигаемых государством. При этом если визиты сыновей Александра II решали в первую очередь внутрисполитические задачи, формируя лояльность подданных, то поездка Николая Александровича в конце XIX в. все больше ориентировалась на внешнеполитический контекст и служила инструментом демонстрации силы Российской империи на международной арене.

Менялись не только цели, но и само содержание и организация визитов – как со стороны императорской власти, так и со стороны местной администрации и населения. Еще указ 1802 г. запрещал специально готовить города к приезду императора или членов его

семьи. Согласно предписанию, благоустройство должно было проводиться своевременно, а не по случаю визита; не рекомендовалось украшать населенные пункты и предпринимать меры, могущие привести «к отягощению обывателей» [\[11, С. 434\]](#). В период правления Николая I этот указ был подтвержден, однако фактически не исполнялся: в Европейской России подготовка к визитам начиналась уже с момента появления слухов о них, задолго до официального объявления [\[12, С. 97-98\]](#).

Для Сибири подобные явления также были характерны, что объясняется как отдаленностью региона от центра империи, так и исключительной значимостью визитов членов императорской фамилии. Наиболее ярким примером стал приезд Александра Николаевича в 1837 г., когда, по словам современников, «вся Сибирь восторжествовала небывалому еще никогда счастью» [\[14, С. 8\]](#). Позднее сибиряки писали, что это событие составило «эпоху в истории края» [\[20, С. 1\]](#). Уже со времени первых слухов о намерении Николая I отправить наследника в путешествие «Сибирь недоумевала, страх и надежда попеременно ее колебали» [\[14, С. 10\]](#). Схожая ситуация наблюдалась и на Дальнем Востоке в начале 1890-х гг., когда регион впервые оказался в центре «высочайшего» внимания: многие города еще находились в стадии строительства, и местные власти испытывали неловкость перед предстоящим визитом [\[28, С. 105\]](#).

Весной 1837 г. известие о включении Сибири в маршрут поездки официально дошло до региона, хотя слухи об этом распространялись уже с начала года [\[15, С. 311\]](#). После подтверждения начались работы по благоустройству городов, через которые должен был проехать наследник: в Тобольске были организованы ремонт дорог [\[5, С. 526\]](#), подготовлены люди, задействованные во встрече, включая фореиторов и «ездовых» [\[15, С. 311\]](#). Современники отмечали, что «город не щадил ничего для принятия» [\[5, С. 526\]](#).

Масштабные подготовительные мероприятия находили отражение и в поведении народных масс, что отмечали современники. За день до прибытия наследника в Тюмень на подходах к городу собрались «тысячи народа». Среди них были не только жители самой Тюмени, но и окрестных деревень, а также близлежащих городов – Ялуторовска, Тобольска и других [\[14, С. 7\]](#). Вероятно, население было заблаговременно собрано и проинструктировано местной администрацией о нормах поведения [\[12, С. 98\]](#). Это объясняется тем, что подобное событие происходило в Сибири впервые, и организаторы опирались на опыт других регионов. Вместе с тем население, отличавшееся высоким уровнем монархического сознания, проявляло собственное стремление активно участвовать в мероприятиях визита. Так, в 1868 г. во время проезда великого князя Владимира Александровича через деревню Марушинскую вблизи Бийска крестьяне, несмотря на сенокос, вышли в праздничных одеждах встречать высокого гостя [\[8, С. 43\]](#). В народной среде активно распространялись слухи о «высочайших» путешествиях, их быстрое обсуждение усиливало эмоциональную напряженность, укрепляло верноподданнические настроения и стимулировало широкие слои населения к участию в подготовительных мероприятиях [\[14, С. 10\]](#).

Если встреча в Марушинской носила скорее стихийный характер, то приезд великого князя в Тобольск в июле того же 1868 г. сопровождался масштабной и официально регламентированной подготовкой. Официальный маршрут предполагаемой поездки городская администрация получила еще в мае. О предстоящем событии было уведомлено и население: начальник губернии объявил о визите на собрании, специально организованном для представителей городских сословий. Особую

торжественность сообщению придавало то, что собрание совпало с днем Вознесения – ближайшим к получению официального известия праздником [\[19, С. 1\]](#). Таким образом, подготовка к важнейшему для региона событию была начата заблаговременно.

Интерес представляет сообщение о подготовке ко встрече Владимира Александровича в Омске, опубликованное на страницах Тобольских губернских ведомостей. Современник отмечал, что в 1868 г. в городе якобы было «положено совершенное и полное устранение всякого административного вмешательства и всякого указания в приготовлениях к приему и встрече Царственного Гостя со стороны народа, – все было предоставлено самому обществу: в г. Омске не принуждали ни одного домовладельца – ни красить, ни мазать ни его строений, ни заборов» [\[22, С. 2\]](#). Однако подобное утверждение вызывает сомнения, учитывая, что в других городах действия населения тщательно регламентировались. Более того, в той же заметке сообщалось, что генерал-губернатор Западной Сибири утвердил программу народного гулянья в загородной роще [\[22, С. 2\]](#). Вероятно, публикация подобного рода сведений в официальной прессе была направлена на формирование более благоприятного образа Омска для центральной власти и должна была подчеркнуть высокую степень верноподданнических настроений местного населения. Тщательная «хозяйственная» подготовка предшествовала визиту в Сибирь и великого князя Алексея Александровича в 1873 г. Губернские власти организовали ремонт дорог, мостов и различных зданий [\[25\]](#).

Подготовка к приезду Николая Александровича в 1891 г. в сибирские города носила уже более комплексный характер. Мероприятия начались еще в 1890 г., что указывает на высокий уровень планирования со стороны императорской власти. Местная администрация занималась не только экономическими вопросами (работы на путях сообщения, подготовка транспортных ресурсов) и имиджевыми аспектами (праздничное украшение городов), но и уделяла серьезное внимание обеспечению безопасности. Это было особенно важно во второй половине XIX в., когда в условиях распространенности политического терроризма защита членов императорской семьи становилась первостепенной задачей.

Как показал И. С. Томилов, в городах Тобольской губернии представители местных властей заранее согласовывали участие определенных сословных групп в церемониях, утверждали внешний вид встречающих и четко регламентировали порядок проведения мероприятий [\[25\]](#). В то же время призывы к участию в массовых торжествах адресовались всему населению. Так, военный губернатор Читы в своей речи подчеркивал, что за благополучное проведение путешествия «все русское население несет нравственную ответственность пред Богом, пред Царем, пред Отечеством» [\[29, С. 2\]](#).

На фоне рассмотренной выше трансформации императорских сценариев в церемониях встречи «высоких гостей» прослеживалось постепенное усиление дистанцирования представителей императорской фамилии от народа. В 1837 г., напротив, современники отмечали достаточно свободное передвижение населения. Показателен эпизод, описанный в мемуарах декабриста А.Е. Розена, находившегося в ссылке в Кургане во время путешествия наследника Александра Николаевича. Во время проезда цесаревича через город бывший декабрист стремился добиться аудиенции. Несмотря на то, что, согласно николаевской инструкции, подобные встречи были запрещены, до ссыльных, по-видимому, не довели соответствующих предписаний о запрете передвижения по городу или участия в церемониях. Приблизившись к квартире наследника, А.Е. Розен получил от городничего просьбу не искать встречи. Тем не менее ему удалось

пообщаться с сопровождавшими наследника лицами – лейб-медиком И.В. Енохиным, генералом-адъютантом А.А. Кавелиным, флигель-адъютантом С.А. Юрьевичем, а также с наставником будущего императора В.А. Жуковским. Более того, политический ссыльный мог находиться в непосредственной близости от квартиры цесаревича и наблюдать его через окно [\[15, С. 314\]](#).

В дальнейшем, с усилением мер безопасности, подобные ситуации становились маловероятными. Так, в 1868 г. во время визита Владимира Александровича в Омск вход в парк, по которому проходил пеший путь великого князя, был ограничен не только заранее возведенной оградой, но и кордоном полиции, действовавшей совместно с казаками [\[21, С. 3\]](#). В ходе этой же поездки ссыльные поляки в Тобольской губернии уже не пытались встретиться с царственным гостем лично или передать прошения напрямую, хотя подобная практика была характерна для императорских путешествий в целом [\[12, С. 98\]](#). Показательно, что прошения подавались через местную администрацию. Среди обратившихся были не только политические преступники, но и лица, не имевшие отношения к восстанию 1863 г., что позволяет предположить: круг допущенных к великому князю лиц регулировался значительно строже [\[17, С. 43\]](#). Подобная практика отражала не только рост требований к безопасности, но и целенаправленную политику по увеличению дистанции между представителями императорской фамилии и населением, что соответствовало изменению династического сценария во второй половине XIX в. [\[12, С. 101\]](#).

Таким образом, подготовка ко встрече членов дома Романовых в городах Сибири на протяжении XIX в. становилась все более сложной. С одной стороны, это объяснялось тем, что сама императорская власть планировала визиты все тщательнее, и местные администрации получали сообщения о предстоящих приездах заранее. С другой стороны, процесс усложнялся в условиях изменения общественно-политической обстановки: социальные и экономические реформы, культурные и мировоззренческие трансформации влияли на политическую традицию и восприятие самодержавия в отдельных социальных группах. В этой ситуации менялись формы церемониала и возрастало внимание к обеспечению безопасности.

Сам прием «высокого» гостя в разных частях Сибири и в разные периоды, как правило, строился по схожим сценариям. Наиболее распространенными элементами были приветствие официальной делегации хлебом-солью и процесс дарообмена. В программу визита, как правило, входило посещение главного культового сооружения населенного пункта, а также других наиболее значимых мест [\[25\]](#).

Интерес представляет повсеместная распространенность обычая встречать «высокого» гостя хлебом и солью. Эта традиция была характерна как для официальных делегаций, так и для народных встреч [\[14, С. 10; 8, С. 3, С. 4, С. 12, С. 14-15, С. 43, С. 61, С. 73, С. 75, С. 78; 21, С. 4; 22, С. 5; 28, С. 160; 29, С. 18, С. 60\]](#). Поднесение хлеба и соли обеспечивало непосредственную коммуникацию с представителем императорской фамилии и рассматривалось как особая честь. Иногда проводились даже выборы лиц, удостоивавшихся участия в церемонии. Так, в 1891 г. из шести округов Тобольской губернии было отобрано свыше 120 крестьян; право непосредственно передать угощение получил крестьянин Фугаев, более 18 лет служивший волостным старшиной [\[29, С. 122\]](#).

В русской культуре обычай преподносить хлеб и соль традиционно символизировал

уважение, любовь и признание, а также являлся выражением гостеприимства хозяев [\[4, С. 29\]](#). Примечательно, что в Сибири эта практика сохранялась не только в повседневной жизни, но и в рамках экстраординарных событий, таких как визиты членов императорской фамилии. Так, во время пребывания Владимира Александровича в Томске в 1868 г. в город прибыли делегации из Красноярска, Иркутска и Забайкалья, которые также последовали традиции приветствия хлебом и солью, несмотря на значительную протяженность пути [\[8, С. 60-61\]](#). Все это свидетельствует о высоком уровне национального самосознания населения, стремившегося подчеркнуть свое единство с Российской империей и русским народом, олицетворением которых в общественном сознании выступали Романовы.

Свое единство с империей и уважение к обычаям русского народа демонстрировали и представители инородцев. Так, в 1837 г. хлеб и соль в национальных костюмах преподнесли Александру Николаевичу жители селения бухарцев, расположенного недалеко от Тюмени [\[14, С. 14\]](#). Аналогичный обычай был соблюден и в 1891 г., когда Николаю Александровичу подносили хлеб и соль начальники тунгусских родов и родовые головы агинских бурят, проживавших в Забайкалье [\[29, С. 12\]](#). Вместе с тем инородцы при встрече «высочайших» гостей включали в церемониал и элементы собственных культурных традиций.

Одной из важных задач таких путешествий становилась организация взаимодействия с инородческими элитами. Установление контактов было необходимо императорской администрации в контексте укрепления и расширения империи. Для представителей же национальных элит поддержание связей с центром означало возможность сохранения своего положения и обеспечения защиты интересов собственного народа.

Для Сибири как одного из самых многонациональных регионов империи вопрос взаимодействия с национальными элитами был особенно актуален, поэтому во время «высочайших» путешествий организация подобных контактов становилась обычной практикой. Так, в 1837 г. в Тобольск на встречу с наследником Александром Николаевичем прибыли «киргизские султаны и несколько вогуличей» [\[14, С. 14\]](#). В 1868 г., во время визита великого князя Владимира Александровича, активное участие в мероприятиях принимали киргизы, татары, бухарцы, кокандцы и др. Перед въездом в Омск великого князя встречала делегация, включавшая казаков, а также киргизских султанов и биев. В самом городе, по свидетельству современника, в толпах народа, собравшегося для встречи «высокого» гостя, бросалось в глаза многообразие «национальных костюмов» [\[21, С. 4\]](#).

11 июня 1868 г. Владимир Александрович посетил киргизский народный праздник, устроенный в его честь. В рамках торжества были проведены игры и состязания, призванные продемонстрировать «высокому» гостю ловкость всадников и силу борцов. На следующий день султанам сибирских киргизов были вручены подарки от великого князя [\[23, С. 2\]](#). Делегации инородцев встречали Владимира Александровича и на Алтае: в Бийск приехали «калмыцкие и татарские зайсаны», чтобы «поклониться» великому князю после того, как стало известно об отмене его поездки на Телецкое озеро [\[8, С. 43\]](#).

Увеличение роли «национального» элемента в церемониальной программе проявлялось по мере продвижения «высоких» гостей на восток, где проживало большее число представителей различных инородческих общностей. Так, во время путешествия наследника Николая Александровича через Сибирь целый ряд мероприятий был

организован бурятами. Агинские буряты построили для «высокого» гостя и его свиты павильон, окруженный юртами, одна из которых была подарена будущему императору. На следующий день гостю демонстрировали борьбу и конные состязания [\[29, С. 12-13\]](#). Похожий прием устроили и буряты Хоринского ведомства [\[29, С. 26\]](#). Во всех этих случаях происходил обмен богатыми дарами между императорской стороной и представителями инородческих элит.

Таким образом, «высокие» гости в своих путешествиях проявляли внимательность к представителям окраинных народов, уважительно относились к их культурным традициям и щедро одаривали элиты престижными дарами. В свою очередь, инородцы использовали визиты членов династии Романовых для демонстрации лояльности императорскому трону. Во время приемов они сочетали собственные этнокультурные практики с общеимперскими традициями, характерными для русского народа. Следовательно, в рамках «высочайших» путешествий в Сибирь реализовывалось одно из направлений национальной политики Российской империи, заключавшееся в интеграции инородческих элит в состав национальной элиты. При этом прослеживалась и заинтересованность самих окраинных сообществ в поддержании этих контактов.

Важным компонентом церемониальных мероприятий в городах Сибири было участие армии. На протяжении XIX в. ее роль в подобных событиях постепенно усиливалась, особенно это касалось казачества. Казаки активно участвовали в программах визитов великих князей Владимира и Алексея Александровичей, а также в путешествии наследника Николая Александровича на Восток. В последнем случае это соответствовало одной из целей поездки – демонстрации силы и влияния Российской империи на Дальнем Востоке в условиях напряженной международной ситуации.

Исторически казачество выполняло функции «умиротворения и колонизации пограничных регионов, расширяющих границы империи», что полностью соответствовало интересам императорской администрации рассматриваемого периода [\[27, С. 434\]](#). Кроме того, исследователи отмечают, что отношения императорской семьи с казачеством имели и мифологический подтекст, закреплявшийся особыми церемониями, проводимыми на Дону. Центральным элементом этих ритуалов было вручение наследнику пернача, символизировавшее возведение его в достоинство атамана всех казачьих войск [\[2, С. 122\]](#). В Сибири, где в различных станицах проживали представители Сибирского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск, поддержание таких связей также имело важное значение.

Иногда в населенных пунктах казачество участвовало в церемониях приема «высоких» гостей наряду с представителями местной администрации и городских сословий. В таких случаях их роль ограничивалась присутствием, как, например, во время визита наследника Александра Николаевича в Тюмень в 1837 г. [\[14, С. 9\]](#). Иная ситуация складывалась в станицах, где церемонии организовывало само казачество. Большинство из них выстраивалось по схожему сценарию: наследника встречал «развернутый фронт льготных казаков с детьми школьного возраста в конном строю» [\[28, С. 159\]](#). В программу входили смотры полков и лагерей, скачки и состязания [\[29, С. 7\]](#).

Характерной особенностью таких приемов была щедрость императорской власти: подарки вручались почетным старикам, атаманам, офицерам, рядовым казакам, а также детям. Участие последних в церемониях подчеркивало не только их раннее приобщение к боевым навыкам, но и демонстрировало наследнику их верноподданнические чувства

[\[29, С. 154-158\]](#). Особое внимание, которое «высокий» гость уделял детям в казачьих станицах, объяснялось восприятием их как будущей опоры династии. Казачата с ранних лет готовились к военной службе и усваивали нормы казачьей культуры, что делало их символом сохранения безопасности границ, расширения империи и укрепления самодержавной власти.

В целом перечень мест, посещаемых «высоким» гостем, определялся спецификой конкретного населенного пункта. Чаще всего представители императорского дома посещали церкви, образовательные учреждения, заведения приказа общественного призрения, культурные учреждения и промышленные объекты. Эти визиты сохраняли отчасти инспекционный характер, что соответствовало изначальной цели «высочайших» путешествий – знакомству членов дома Романовых с империей.

С первого приезда «высокого» гостя в Сибирь в учреждениях, включенных в программу визита, велась тщательная подготовка. Так, в Тобольской гимназии ее инициатором стал директор, предложивший меры по подготовке: организация выставки ученических работ и ведомостей об их успехах, приведение в порядок библиотеки, приобретение икон для классов, обновление мебели, а также покраска здания гимназии [\[6, С. 109\]](#).

Иногда специально к приезду члена императорской семьи устраивались культурные мероприятия. В 1868 г. в Барнауле в театре были даны два спектакля, предваренные исполнением национального гимна и чествованием наследника [\[8, С. 33\]](#). Подобные инициативы были редки, так как в большинстве городов Сибири не существовало стационарных театров. В иных случаях в программу визита включались музеи: так, в 1891 г. в Иркутске Николай Александрович посетил музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества [\[29, С. 67\]](#).

Наиболее разнообразные сценарии и программы мероприятий были характерны для посещений «высокими» гостями образовательных учреждений. Церемониал приема Владимира Александровича и Николая Александровича в военных школах Акмолинской области подробно рассмотрен в работах В.С. Сулимова. Автор выделяет обязательные элементы подобных приемов: приветственные речи, обмен подарками, совместное исполнение религиозных ритуалов и праздничных традиций. Особое значение этих мероприятий заключалось в их патриотическом и эстетическом воздействии на будущих военных [\[18, С. 101\]](#).

Монархическое воспитание подрастающего поколения распространялось не только на учащихся военных школ. Ученики учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения, также активно привлекались к участию в церемониальных мероприятиях: готовили приветствия для «высоких» гостей, участвовали в увеселительных программах. Атмосфера трепета и восхищения Романовыми, царившая среди учителей и передававшаяся детям, способствовала формированию положительного отношения к императорскому дому и лояльности существовавшему режиму.

Распространение монархических идей в отдаленных от центра регионах империи было крайне необходимо. Можно предположить, что именно это обстоятельство обусловило особое внимание членов императорской фамилии к образовательным учреждениям, посещавшимся ими в Сибири в XIX в.

Иногда для демонстрации достижений губернии или города устраивались специальные выставки. Так, в рамках Тобольской выставки 1837 г. «соединено было к прибытию Его

Императорского Высочества все, что только находилось любопытнейшего в целой Тобольской губернии из произведений природы и народной промышленности» [\[14, С. 12\]](#). В 1891 г. во Владивостоке Николай Александрович посетил «выставку сахалинских изделий» [\[28, С. 129\]](#). Подобные мероприятия были призваны представить регион в наиболее выгодном свете за счет демонстрации предметов, которые, по мнению местных жителей, лучше всего отражали культуру и достижения населения.

Со временем доля инспекционных мероприятий в рамках «высочайших» путешествий сокращалась, тогда как возрастало число событий церемониального и символического характера. Если в поездке Александра Николаевича в 1837 г. почти все мероприятия были направлены на демонстрацию учреждений и достижений городов, то в последующих визитах все чаще проводились акции, не связанные с ознакомлением наследников с жизнью империи. Так, 24 июня 1868 г. Владимир Александрович присутствовал при закладке часовни Александра Невского в Барнауле, что, по свидетельству современников, «останется навсегда в памяти жителей» города [\[8, С. 34\]](#).

Особенно заметным стал сдвиг в период путешествия Николая Александровича. Среди символических акций можно выделить закладку памятника адмиралу Невельскому во Владивостоке. Для наследника был возведен специальный павильон, украшенный флагами. Важно, что Николай Александрович не только присутствовал, но и принимал участие в церемонии: он поместил в основание памятника серебряную доску и закрепил камень цементным раствором [\[29, С. 109\]](#).

Наиболее значимым и одним из ключевых событий путешествия стала закладка Великой Сибирской железной дороги 17 мая 1891 г. Мероприятие началось с торжественного молебна в специально подготовленном павильоне, провозглашения многолетия дому Романовых и салюта. После этого наследник символически сvez на полотно строящейся дороги тачку земли [\[28, С. 124–125\]](#). Технически строительство уже велось, однако участие наследника в церемонии придавало мероприятию особый символический смысл: оно должно было продемонстрировать силу и мощь Российской империи в азиатском регионе и заложить основу «крепнущему в Восточной Азии величию» России [\[28, С. 129\]](#).

Еще одно символическое событие произошло в Иркутске 22 июня 1891 г., когда был открыт и освящен понтонный мост через Ангару. Строительство моста приурочили к «высочайшему» визиту. После завершения предварительных религиозных обрядов наследник разрезал ленту на арке, установленной у входа на мост, а затем прошел по нему, возглавив шествие крестного хода [\[29, С. 65–66\]](#).

Таким образом, для «высочайших» путешествий в Сибирь конца XIX в. были характерны тенденции, отмеченные исследователями на материале Европейской России. Начиная с эпохи Александра III, инспекционный элемент поездок постепенно вытеснялся символическим: императорская власть предпочитала проводить не смотры, а церемонии, призванные «подчеркнуть не только солидарность между монархом и высшими слоями общества, но единение власти и народа в целом» [\[12, С. 100\]](#).

В то же время Сибирь, особенно Восточная, обладала в этом отношении своей спецификой. Регион еще не был в полной мере освоен, в большинстве населенных пунктов отсутствовали прецеденты «высочайших» визитов, и население не имело опыта их организации. Поэтому в ряде малонаселенных мест церемониалы приема «высоких» гостей в 1891 г. напоминали формы, характерные для первого путешествия в Западную Сибирь в 1837 г.: отмечались обилие народных гуляний и танцев [\[29, С. 13\]](#), большая

свобода передвижения людей, тогда как устроить торжественные и «пышные приемы» было не всегда возможно [\[12, С. 100\]](#).

Помимо самих мероприятий, связанных с приемом «высоких» гостей, важное значение имели практики мемориализации визитов в Сибирь. Фиксация в социальной памяти путешествий представителей дома Романовых происходила на двух уровнях: административном – когда меры предпринимались властями или организованными структурами, и бытовом – когда население самостоятельно стремилось сохранить воспоминания о событии.

Особое место занимала традиция ежегодных праздников в память о визите. Так, в Тюмени праздник в честь приезда Александра Николаевича 31 мая 1837 г. оставался одним из наиболее значимых вплоть до революции [\[25\]](#). Праздничные мероприятия проводились не только в городах, но и в отдельных учреждениях. Например, день посещения Тобольской гимназии Александром Николаевичем долгое время отмечался как особое событие. В программу входили гуляния и религиозные службы: после убийства Александра II благодарственный молебен был заменен панихидой [\[6, С. 111\]](#). Современники отмечали, что и визит Владимира Александровича в гимназию в 1868 г. будет в дальнейшем считаться праздничным днем [\[24, С. 1\]](#).

Существовали и иные формы мемориализации. После визита Алексея Александровича в 1873 г. в гимназии была установлена металлическая доска с золотыми буквами [\[6, С. 321\]](#). В том же году в память о посещении Тобольска местные купцы учредили стипендию при гимназии [\[29, С. 122\]](#). По мнению Ю. М. Гончарова, подобная активность купечества являлась не только выражением верноподданнических чувств, но и способом подчеркнуть собственную значимость в общественной жизни сибирских городов [\[3, С. 162\]](#). Тем не менее для широких слоев населения эти практики усиливали монархические настроения, а для гимназической среды способствовали укреплению лояльности будущих представителей образованного сословия.

Другой формой сохранения памяти о «высочайших» визитах становилось переименование улиц, повышение статуса мест, посещенных «высокими» гостями, а также придание культового значения предметам, с которыми они были связаны. Так, в Тюмени после 1837 г. появились Царская улица и Александровская площадь, а дом городского головы Иконникова, где останавливался наследник, приобрел статус памятного места. Как реликвии хранились и предметы, к которым прикасался цесаревич: например, шлюпка, на которой Александр Николаевич переправлялся через реку и оставил собственноручную подпись [\[14, С. 19-22\]](#). Аналогичная ситуация произошла с лодкой, на которой Владимир Александрович плавал по Бие: надписи с именами великого князя и его свиты были покрыты лаком, а Бийское городское общество постановило «лодку эту хранить на вечные времена» [\[8, С. 42-43\]](#). Позднее утвердилась еще одна традиция – возведение религиозных сооружений, приуроченных к «высочайшим» визитам. Так, в Забайкалье память о пребывании Николая Александровича была увековечена постройкой храмов и часовен [\[29, С. 40\]](#). Примечательно, что этот способ использовало не только православное население: агинские буряты возвели пирамиду на месте, где стояла юрта, в которой ночевал наследник [\[29, С. 42\]](#).

Несмотря на то, что множество мер предпринимались «сверху», население также

стремилось сохранить воспоминания о таких значимых событиях, как «высочайшие» визиты. Распространенным способом народной мемориализации становилось сохранение предметов, к которым прикасались «высокие» гости. Наиболее характерным примером была традиция устилать путь цветами, платками или коврами, а затем забирать их после прохождения процессии. По свидетельству Н.А. Кострова, подобные реликвии хранились в сундуках и передавались из поколения в поколение «как заветная святыня» [\[8, С. 17\]](#). Аналогичные эпизоды фиксировались современниками и в ходе путешествия Николая Александровича, что свидетельствует о широком распространении этой практики [\[29, С. 28\]](#).

Императорская власть также предпринимала меры, направленные на сохранение памяти о визитах. Это могла быть финансовая поддержка основания образовательных, сиропитательных и иных учреждений, которые зачастую получали имя «высокого» гостя, обеспечившего их открытие. Подобные шаги одновременно служили распространению династического сценария по всей территории империи и имели практическую ценность для развития регионов.

Иногда мемориализация носила иной характер. Так, во время путешествия Николая Александровича по Сибири распространилась практика фотографирования наследника с местными жителями, что, по замыслу его окружения, должно было восприниматься как особая милость и источник счастья для участников съемки [\[29, С. 16, С. 33\]](#). Таким образом, память о «высочайших» путешествиях сохранялась и ценилась на местах, превращая эти визиты в важный инструмент коммуникации между центральной властью и населением окраин, способствовавший распространению монархических идей и поддержанию верноподданнических настроений.

Проведенное исследование показало, что «высочайшие» путешествия в Сибирь на протяжении XIX в. претерпели существенные изменения, которые были тесно связаны с особенностями политического развития Российской империи, трансформацией династического церемониала и эволюцией представлений о месте окраин в структуре имперского пространства. Если первые визиты наследника Александра Николаевича в 1837 г. имели прежде всего образовательный и инспекционный характер, то уже во второй половине XIX в. они все больше наполнялись элементами символической репрезентации власти и закрепления династического мифа. Таким образом, Сибирь постепенно включалась в общероссийский сценарий легитимации монархии.

Анализ источников позволяет заключить, что эволюция сибирских визитов развивалась по тем же закономерностям, что и в других регионах империи: от инспекционной составляющей к доминированию ритуальных и церемониальных форм. Власть постепенно дистанцировалась от населения, а сами поездки становились более регламентированными, приобретая характер тщательно продуманных символических акций. В то же время специфика Сибири проявлялась в ограниченности инфраструктурных возможностей и редкости самих визитов: в ряде городов даже в 1890-е гг. сохранялась относительная простота церемониалов, что отражало как отдаленность региона от центра, так и его «пограничный» характер.

Особое внимание заслуживает реакция населения. Несмотря на меняющиеся условия, простые горожане и сельские жители демонстрировали неизменную готовность участвовать в приемах «высоких гостей» и активно вовлекались в массовые мероприятия. Это поведение свидетельствует о глубоко укорененных монархических настроениях и показывает, что даже на фоне роста общественного движения и

изменения образа царской власти в центральных губерниях, властям удавалось транслировать населению окраин необходимые сценарии, формировать верноподданническую лояльность и укреплять имперскую идентичность.

Таким образом, императорские путешествия в Сибирь выполняли сразу несколько функций: они укрепляли связи центра и периферии, способствовали интеграции региона в общеимперское пространство, обеспечивали закрепление символической значимости династии и производили коллективную память, в которой визиты закреплялись как события исключительной важности. Сибирь тем самым не только становилась ареной репрезентации самодержавной власти, но и приобретала особое место в имперском мифе, олицетворяя границу, освоение и силу государства.

Библиография

1. Анисимова Е.Е. "Сибирские главы" путешествия В.А. Жуковского с цесаревичем Александром Николаевичем по России в 1837 г.: документ, биография, литература // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Москва: Флинта, 2015. С. 9-36.
2. Волвенко А.А. "Сведения о посещении в 1837 г. Войска Донского Блаженной памяти Императором Николаем I и Наследником Цесаревичем, ныне Царствующим Государем Императором". Записка А.П. Чеботарева // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 121-134.
3. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул: Типография некоммерческого партнерства "Азбука", 2012. 214 с.
4. Гусейнова У.Г. Хлеб в картине мира русского народа // Вестник ТГПУ. 2019. № 2 (199). С. 28-33.
5. Ершов П.П. Конек-горбунок: Избранные произведения и письма. Москва: Парад; БИБКОМ, 2005. 624 с.
6. Замахаев С.Н. Историческая записка о Тобольской гимназии. 1789–1889 год. Тобольск: тип. Тобол. губерн. правления, 1889. 322 с.
7. Карпухин В.И. К вопросу об истории создания медали, посвященной посещению Великим князем Владимиром Александровичем Тюмени (1868) // Тезисы докладов 3-й Всерос. нумизматической конф. Москва: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 1995. С. 86-87.
8. Костров Н.А. Путешествие по Томской губернии Его Императорского Высочества, Государя Великого Князя Владимира Александровича в июне и июле месяцах 1868 г. Томск: Тип. Губернского правления, 1868. 80 с.
9. Мелентьев Ф.И. Воспитание и образование наследника престола в проектах В.П. Титова 1856–1858 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1. С. 11-57.
10. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с.
11. Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. 530 с.
12. Плех О.А. Высочайшие путешествия по Российской империи и развитие новых коммуникативных практик в XIX в. // Языки власти: государство и народ в России в Новое и Новейшее время: Материалы всерос. с междунар. участием научной онлайн-конференции, Москва, 19 мая 2023 г. – Москва: МПГУ, 2024. – С. 94-103.
13. Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. "Всенародное обручение наследника с Россией" (к 200-летию со дня рождения императора Александра II) // Манускрипт. 2018. № 12 (98). Ч. 2. С. 243-248. DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-2.12
14. Расторгуев Е. Посещение Сибири в 1837 году Его императорским высочеством государем наследником цесаревичем. Санкт-Петербург: [б. и.], 1841. 31 с.
15. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжн. изд-во, 1984.

480 с.

16. Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. 320 с.

17. Сулимов В.С. Прошения великому князю Владимиру Александровичу от ссыльных поляков Тобольской губернии в 1868 г. // Поляки в России: эпохи и судьбы. Краснодар: Кубан. гос. ун-т; Парабеллум, 2009. С. 41-43.

18. Сулимов В.С. Роль учащих военных школ Акмолинской области во встречах представителей Дома Романовых // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 95-104. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-95-104

19. Тобольские губернские ведомости. 1868. № 19.

20. Тобольские губернские ведомости. 1868. № 20.

21. Тобольские губернские ведомости. 1868. № 26.

22. Тобольские губернские ведомости. 1868. № 28.

23. Тобольские губернские ведомости. 1868. № 29.

24. Тобольские губернские ведомости. 1868. № 30.

25. Томилов И.С., Федотова Д.Ю. Визиты представителей дома Романовых как традиционная культура городов Тобольской губернии во второй половине XIX в. // Электронный научно-практический журнал "Гуманитарные исследования". URL: <https://human.snauka.ru/2016/10/16813> (дата обращения: 28.07.2025).

26. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: от Петра Великого до смерти Николая I. Москва: ОГИ, 2002. 608 с.

27. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: от Александра II до отречения Николая II. Москва: ОГИ, 2004. 796 с.

28. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891: в 3 т. Т. 3. Ч. V. Санкт-Петербург; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1897. 160 с.

29. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891: в 3 т. Т. 3. Ч. VI. Санкт-Петербург; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1897. 255 с.

30. Valitov A.A., Tomilov I.S., Dianov S.A. Visit of Grand Duke Vladimir Alexandrovich of Western Siberia as a Part of the Ritual Legitimization of the Ruling Romanov Dynasty // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37. Is. 3. P. 558-563.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является эволюция характера, целей и церемониала путешествий представителей династии Романовых в Сибирь на протяжении XIX века. Автор рассматривает эти визиты как комплексное явление, анализируя их трансформацию от практик административной инспекции и образовательных задач к инструментам символической легитимации власти, коммуникации с обществом и интеграции отдаленного региона в имперское пространство.

Методологическая основа статьи представлена комплексным подходом, с интеграцией ряда методов из разных исследовательских парадигм: Так, концепция «сценариев власти» Р. Уортмана служит основным теоретическим каркасом для интерпретации путешествий как инструмента конструирования и репрезентации имперских мифов; историко-антропологический подход позволяет сместить фокус с официальной точки зрения власти на восприятие визитов местной администрацией и разнородным

населением Сибири, реконструируя практики повседневности и коллективные представления; традиционно применяемые исторической наукой методы обеспечивают надежную основу для прослеживания эволюции явления во времени и сравнения сибирской специфики с общеимперскими тенденциями; нарративный и ритуал-анализ используются для деконструкции церемониалов как текстов, наполненных символическими смыслами. Такой методологический синтез является современным и соответствует поставленным исследовательским задачам.

Актуальность исследования не вызывает сомнений и обусловлена несколькими факторами: развитием «новой имперской истории» и антропологически ориентированных исследований власти, где коммуникативные практики и символические репрезентации находятся в центре внимания; повышенным интересом к истории Сибири не как к пассивной периферии, а как к активному участнику имперских процессов, обладающему региональной спецификой; изучением механизмов интеграции разнородных территорий и формирования лояльности, что имеет не только историческое, но и отчасти политологическое значение.

Научная новизна статьи заключается в следующем. Синхронизированный анализ всех четырех «высочайших» визитов в Сибирь в XIX веке позволяет выявить долгосрочные тенденции и эволюцию, в отличие от работ, фокусирующихся на единичных случаях. Выявление сибирской специфики на фоне общеимперских тенденций: редкая частота визитов, их исключительность для региона, сочетание имперского церемониала с местными практиками, сохранение элементов «простой» коммуникации в условиях ужесточения протокола в центре страны. Комплексный анализ многоуровневой реакции на визиты: от решений императора и центральной власти до действий местной администрации, городских сословий, крестьянства и инородцев. Детальная реконструкция практик мемориализации визитов, показывающая, как разовое событие трансформировалось в элемент локальной и имперской идентичности.

Статья написана научным, ясным и точным языком. Терминология используется корректно и последовательно. Структура работы логична и ведет от постановки проблемы через анализ целей, подготовки, церемониала и мемориализации к обобщающим выводам.

Содержание работы проработано. Автор опирается на широкий круг источников (периодика, мемуары, делопроизводственные документы), что позволяет аргументированно иллюстрировать каждый тезис.

Библиография репрезентативна и отражает современный уровень изученности проблемы. Присутствуют как фундаментальные теоретические работы, так и новейшие исследования по теме, включая региональные публикации, а также источниковая база, включая материалы периодической печати и воспоминания.

В качестве возможных вопросов и тем для дискуссии с оппонентами можно выделить следующее. Можно ли говорить о полном «вытеснении» инспекционной функции символической к концу века, учитывая, что посещение учебных заведений, заводов и выставок сохранялось? Вероятно, корректнее говорить о смещении акцентов и доминировании, а не о полной замене. Насколько репрезентативны и объективны источники личного происхождения (мемуары, записки) для реконструкции «народного» восприятия, или они в значительной степени отражают взгляд образованной элиты? Следовало бы более четко обозначить вклад именно сибирских исследователей, упомянутых во введении, чтобы показать, как настоящее исследование «надстраивается» над их работами.

Выводы статьи являются обоснованными и логично вытекают из проведенного анализа. Автор убедительно демонстрирует, как императорские путешествия в Сибирь эволюционировали в ключевой инструмент имперской интеграции, символической

коммуникации и формирования коллективной памяти.

Статья вызовет интерес у читательской аудитории журнала «Genesis: исторические исследования», специалистов по истории Российской империи XIX века, особенно изучающим историю монархии и символику власти; историков Сибири, предлагая им макроанализ важного аспекта взаимоотношений центра и региона.

Представленная статья представляет собой законченное, методологически выверенное и новаторское исследование. Она вносит существенный вклад в изучение, как истории императорских путешествий, так и механизмов интеграции сибирского региона в имперское пространство. Работа соответствует научным стандартам и рекомендуется к публикации.